

ОЧЕРК ПРОНИКНОВЕНИЯ И ПОСЛЕДУЮЩЕГО СИНТЕЗА
ИНОСТРАННЫХ СЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ В XVII—XVIII ВЕКАХ

Н.Х. Фокскрофт

По глубоко укоренившейся в истории традиции эпоха Петра Великого /1672—1725 гг./ считается началом западнического процесса в России. Надо отметить, что в это время отношения между Россией и другими великими европейскими державами быстро развивались во многих отраслях знаний — например, в науке, технологии, военных и военно-морских делах. В связи с этим проникновение нововведений в Россию способствовало тому, чтобы "в Европу прорубить окно".

Несомненно, развитие социально-философских понятий, вместе с новыми открытиями в области как исторических, так и естественных наук обусловило создание новых слов, наряду с применением старых терминов для выражения новых понятий и научных представлений. Нужно подчеркнуть, что обогащение русского языка при помощи проникновения в него иностранных слов в действительности началось не во время царствования Петра Великого, а намного раньше. Таким образом, можно утверждать, что деятельность царя ускорила темпы развития уже давно возникшего процесса заимствования и ассимиляции иностранных слов.

Герта Гютль-Уорт установила воздействие заимствованных слов из иранского и германского языков на общий славянский язык, как на основу разных ветвей славянских языков, включая восточнославянскую ветвь¹.

В самом деле, иранский язык являлся источником разных религиозных терминов, так же как и германский служил основой для заимствования разных слов, обозначающих предметы быта или военно-государственного устройства². Устное воздействие скандинавских, турецких и финно-угорских языков на лексику восточнославянского языка восходит к началу девятого века, когда возникла потребность в разнообразных морских и рыболовных терминах³.

Хорошо известно, что в язык Киевской Руси проникали грецизмы задолго до принятия восточного православия в 988 году нашей эры⁴. Указанное явление приводит к весьма значительному притоку религиозных и абстрактных терминов из греческого и, в меньшей степени, из латинского языка в старославянский, и через старославянский язык — в древнерусский. Далее, проникновение греческого языка в древнерусский язык снова усилилось во время так называемого "второго южнославянского влияния" в XV—XVI веках.

С другой стороны, в четвертом веке нашей эры во время вторжения гуннов дипломатические отношения были установлены между Русью и ее восточными соседями. Татарское вторжение в Киевскую Русь в 1223 году, вместе с последующим двухсотлетним господством монголов в России, привело к значительному возрастанию восточных заимствований в русском языке, связанных с административными, финансовыми, торговыми и транспортными делами⁵.

Большое влияние на русский литературный язык оказывали и полонизмы⁶. В связи с этим, Л.А. Булаховский приходит к следующему заключению: "Сближение русского литературного языка с европейскими начинается собственно с проникновения в него полонизмов"⁷.

Борьба русской торговой столицы с поляками за Ливонию — а также желание Ивана Грозного найти выход к Балтийскому морю и взять обратно территорию, захваченную Литовским великим княжеством и Ливонским орденом — привела в 60-ых годах XVI в. к более близким религиозным и культурным, политическим и экономическим, а также языковым контактам между Россией и будущим Польско-Литовским государством. Такие близкие исторические и культурные связи между Россией и Польшей привели к чрезвычайно большому влиянию польского языка на русский в XVI—XVII веках⁸.

Более того, по утверждениям Н.А. Смирнова, огромное количество иностранных слов, главным образом административные тер-

мины, вошло из немецкого в русский язык через польское посредство⁹. Поэтому следует принимать во внимание воздействие немецких заимствований на русский язык.

В связи с этим любопытно, что несколько иностранных слов, заимствованных из греческого языка через польское или немецкое посредство, утвердились в русском языке, вытеснив свои предыдущие родные русские эквиваленты: атеист / < афеист, 1740—50 гг. / < нем. Atheist < гр. atheon, "безбожник" — Fogarasi, с. 34/; геометрия, 1713—19 гг. / польск. geometria < лат. geometria гр. geōmetres, "землемерие" — Fogarasi, с. 411/; демократия, 1731 г. / димократия, 1718 г. < франц. démocratie, или нем. Demokratie < гр. demokratia, "народовласти" — Fogarasi, с. 110/; иерархия / < гр. hierarchia, "священоначалие" — Фасмер, II, с. 118/; метаморфоз / < гр. metamorphosis, "преображение"/; симпатия, 1788—92 гг. / < польск. sympatja, или нем. Sympathie < лат. sympathia < гр. sympatheia, "сострадание" — Fogarasi, с. 110/; теология / < гр. theologia, "богословие"/¹⁰.

Надо иметь в виду то, что большинство этих новых заимствований проникло в русский язык не в XVIII веке /как Н.А. Смирнов полагает/, а значительно раньше¹¹. Такое предположение поддерживает и И.И. Огиенко, который обнаруживает немецко-польские заимствования в разных источниках, относящихся к XVII веку — т.е. к допетровской эре¹².

Это положение подробно объясняет С. Гардинер, который утверждает, что — в отличие от латинских заимствований, входивших в русский язык полностью через польский язык — немецкие слова проникали в русский словарный фонд в XVI—XVII веках другим путем¹³.

Довольно много немецких слов было заимствовано русским языком благодаря устным контактам отчасти с лицами, говорящими по-немецки и проживающими в Ливонии, а частично — с иностранцами, переселившимися в Россию.

Однако нельзя упускать из виду то, что по разным истори-

ческим и географическим причинам основную роль в этом процессе играли польский и белорусский языки. В связи с этим С. Гардинер пишет: "The German words which were borrowed in 16th — and 17th — century Russian were not borrowed from Polish, but through Polish /and White Russian and Ukrainian/ form, because these were the only widely known foreign languages /the two latter not being considered as foreign languages at all/"¹⁴.

Это приводит нас к вопросу о том, какое назначение имели эти немецкие заимствования. Дело в том, что в это время русский язык был беден научной терминологией; следовательно, немецкие заимствования были полезными для выражения новых технических достижений без какого-нибудь столкновения заимствований с коренным русским языком.

Влияние немецкого языка на русский восходит к середине XV века, когда Иван Великий установил контакты с Западом в результате своей женитьбы в 1472 году на Софии Палеолог. Он пригласил иноземных техников в Московское государство, установил международные отношения с венгерским королем, Матвеем Корвином, и с Римом, Венецией и Миланом. Самые ранние немецкие заимствования в русском языке, например, слова пушка и мастер, были связаны с повседневной жизнью¹⁵.

Влияние немецкого языка на русский /через польское и белорусское посредство/ очевидно при изучении таких слов, как например, бархат, шида, имбирь, шафран и яхонт, которые появились до 1550 года в результате торговых связей со Львовом и с ганзейскими купцами¹⁶. В русской деловой или канцелярский язык входили некоторые иноязычные звания также вследствие дипломатических отношений между Россией и Священной Римской империей. Иван Грозный пытался развивать культурные отношения с западными странами и приглашал иностранных, в первую очередь английских, голландских и немецких купцов, в Москву. При этом, в 1584 году был основан новый порт, Архангельск. Сегрегация иностранцев, однако, ограничивала проникновение иноязычных элементов в рус-

скую речь.

Несмотря на это, Россия осталась изолированной от Запада, поскольку в Смутное время возникло широко распространенное народное противодействие иностранным влияниям. Таким образом, единственным пунктом соприкосновения между русским населением и иностранцами, говорящими главным образом на немецком языке, являлась именно Ливония. Польша-Литва /связанная личным союзом 1386 года и более тесной Люблинской унией 1569 года/ служила и географическим барьером и одновременно средством передачи иностранных слов¹⁷. Широко распространенное влияние немецкой культуры в Польше и Литве /где полонизация языка также имела место/ относится к Средним векам.

В XVII веке, после присоединения Украины к России и мира с Польшей /по Андрусовскому перемирию 1667 года/, царь Алексей стал правителем Великой, Малой и Белой России. В то время Польша считалась более слабым соседом и союзником против турок. Поэтому данное соединение служило началом эпохи деятельности украинских и белорусских ученых в России, продолжающейся с 1667 до 1690 года¹⁸.

С. Гардинер утверждает: "The Russians were cut off from the West geographically, historically, culturally, from the inside as well as from the outside, by ideological, spiritual, as well as physical barriers"¹⁹. Поэтому главным путем иноязычного /большей частью, немецкого/ воздействия служили такие посредники, как например, Польша, Белоруссия и Украина²⁰. Даже слова, заимствованные через польское посредство — вместе с той маленькой группой слов, которая была заимствована непосредственно из низкого немецкого языка в XVI—XVII веках — по происхождению не являются исключительно германскими. В немецкий же язык давно проникли иноязычные слова латинского и романского происхождения.

Надо признаться в том, что уже в XVII веке в русский язык вошло много административных, научных и военных терминов иностранного происхождения²¹. Последующее петровское "превраще-

ние" русского государства способствовало массовому стихийному заимствованию иноязычных слов, то есть по непосредственным, естественным причинам. Таким образом, можно предполагать, что на всем протяжении XVIII века главное направление состояло в постепенной европеизации и секуляризации русского языка и культуры под влиянием прямых источников. Поэтому, к концу XVIII века внутренняя форма языка оставалась русской и народной, но его внешний облик стал европейским и международным.

Во время петровской и послепетровской эпохи русский язык впитал массу технических и профессиональных терминов и разнообразную международную лексику. Такое положение наблюдает Г.О. Винокур, когда он пишет: "Новый деловой язык гораздо литературнее, в нем много книжных черт и западноевропейских заимствований. Деловая письменность также становится литературной"²² К тому же Петр Великий старался ввести в русскую жизнь практическое, научное знание и западноевропейский вид образования. Эти качества действительно не были характерными для предшествующего века. Это признает и Н.А. Смирнов, когда он говорит о сознании собственной несостоятельности в сравнении с жизнью западноевропейских государств²³.

Введение в Россию новых понятий, связанных, главным образом, с техническими, административными и военными делами, было намного ускорено так называемым Большим посольством 1697—98 гг., когда несколько европейских стран, включая Голландию, Англию, шведские балтийские области, а также Габсбургскую империю, посещал Петр Великий. Более 750 иностранных мастеров, европейцев всякой национальности, было приглашено на государственную службу в Россию, особенно в новую петербургскую столицу.

Этот западнический процесс в России — и массовое введение технических наук — сопровождался проникновением в русский язык множества иностранных слов. Интересно отметить, что в лексике русского языка не существовало терминов для выражения многих предметов и понятий, введенных в Россию только недавно²⁴. Несмотря на то, что церковнославянский язык имел богатый запас

абстрактных слов, он не являлся пригодным к передаче разных европейских представлений без значительных изменений. Переводчик Географии генеральной 1718 года, Ф. Поликарпов замечает, что "западноевропейские слова привлекали как мода... Они были средством отрыва от старых традиций церковнославянского языка и старозаветного бытового просторечия".

Можно сказать, что проникновение иноязычных слов в русский язык происходило стихийно, независимо от воли Петра. Более того, многие иностранные слова были заимствованы слишком поспешно и излишне. Существовало много проблем, связанных с освоением неологизмов в русском языке: Можно было бы или калькировать их, или приспособлять уже существующие русские слова к новым значениям.

Много иностранных слов и выражений употреблялось в эпоху Петра совсем короткое время. А.Н. Пыпин считает "нежизнеспособным то, что преувеличено... В конце концов это было временное брожение, крайности которого сгладились уже в произведениях первых даровитых писателей, порожденных реформой, как например, у Ломоносова"²⁵. Эта группа заимствований состоит, главным образом, из заимствований, не обогащающих значение уже существовавших русских слов. Л.А. Булаховский приводит следующие слова: виктория / < нем. Viktoria, или лат. victoria, "победа" — Фасмер, I, с. 314/; анштальт / < нем. Anstalt, "мера", "устройство"/; конкет / < фр. conquête, "завоевание"/; резольвовать / < ? польск. resolwować < лат. resolvere, "решать"/; реконтра / < фр. rencontre, "встреча", "схватка"/; фацилиста / < итал. facilita, или фр. facilité < лат. facilitas, "снисходительность"/; пест / < литов. piesta, или латыш. pies-ta < лат. pistillum, "мировая язва" — Фасмер, III, с. 250, Кир., 45, Преобр., II, 51, Шан., 336/; менаж, 1722--25 гг. / < фр. ménage, "бережливость" -- Fogarasi, с. 81/; трактамент, около 1703 г. / < нем. Traktament, или польск. traktament, лат. tractamentum, "пир", "угощение" — Фасмер, II, с. 93/²⁶.

Намного большая группа иностранных заимствований состоит из слов, относящихся к административной, военной, военно-морской и бытовой сфере²⁷. Хотя Смирнов ошибочно предполагал, что эти слова возникли в петровскую эпоху, Гюттль-Уорт доказала, что многие из них появились в русском языке раньше, в XVII веке. Все-таки, надо иметь в виду, что весьма трудно датировать возникновение иноязычных заимствований, потому что появление таких слов в письменных рукописях совсем не исключает возможности их более раннего употребления в живой русской речи. Многие из этих слов подвергались полному освоению, и они все еще существуют в современном русском языке.

В качестве примера приведем хотя бы следующие слова:

1. Административные термины: администратор, 1576—78 гг. / < ? польск. administrator, или нем. Administrator < лат. administratia — Фасмер, I, с. 62/; бухгалтер, 1710 г. / < нем. Buchhalter — Фасмер, I, с. 255/; инспектор, 1697—99 гг. / < польск. inspektor, или нем. Inspektor < лат. inspector — Fogarasi, с. 65, Фасмер, II, с. 135/; канцлер/ь/ 1503 г. /Кип., 101/, 1679 г. /Fogarasi, с. 46/ / < польск. kancler, или нем. Kanzler < лат. cancellarius — Преобр., I, 293/; министр XV в. /Фасмер, II, с. 624/ / < нем. Minister, или фр. ministre лат. minister — Кип., 155, Fogarasi, с. 59/; декрет, 1635 г. / < нем. Dekret < лат. décretum — Фасмер, , с. 495/; канцелярия, впервые канцеллярия, 1610 г. /Кип., 101/, 1633 г. /Фасмер, II, с. 182/ < польск. kancelaria < лат. cancellarii/; бюллетень, 1803 г. / < франц. bulletin < итал. bulletino ср. — лат. bulla — Кип., 147, Фасмер, I, с. 261/; штрафовать, 1711 г. / < нем. Strafen — Кип., 141, Фасмер, IV, с. 480/; акт / < польск. akt, или нем. Akt < лат. actus — Фасмер, I, с. 66/; ассигнация, 1704 г. / < польск. asygnacja, < лат. assignatio — Фасмер, I, с. 94/; ордер, XVII в. / < нем. Order, или голл. order, или фр. ordre < лат. ordo — Фасмер, III, с. 150/; рапорт, 1740 г. /Фасмер, III, с. 443/, 1782 г. /Кип., 160/ / < стар. репорт < польск. raport и англ. report, < фр. rapport/; проект / < проэкт, 1705 г. /Кип., 159/, 1710 /Фасмер,

III, с. 373/ / < нем. Projekt, или фр. projet < лат. proiectus, или proiectum/.

2. Терминология морского дела: гавань, стар. гавон, 1702 г., гавень / < нидерл., ниж.-нем. haven — Кip., 112, Фасмер, I, с. 379/; компас, стар. компас, 1659 г. /Кip., 102/, 1720 г. /Фасмер, II, с. 305/ / < нем. Kompass, или итал. compasso/; крейсер, впервые крусер, 1704 г. /Фасмер, II, с. 369-70/ / голл. kruiser — Fogarasi, с. 184/; порт, 1702 г. / < англ. port, или нем. Port < фр. port < лат. portus — Фасмер, III, с. 334/; кабель / < нем. Kabel, или голл. Kabel < фр. câble < лат. capulum — Кip., 113, Фасмер, II, с. 150/; люк, 1720 г., впервые люйк / < голл. luik — Кip., 115, Фасмер, II, с. 545/; матрос, 1694 г. /Фасмер, II, с. 583/ / < голл. matroos < фр. matelot < ср.-нидерл. matten-noot/; рейс, 1806 г. /Кip., 136/ / < нидерл. reis, сред.-ниж.-нем. reise, нов.-верх.-нем. Reise, гот. urreisen — Фасмер, III, с. 463/; руль, стар. рур / < голл. roer — Кip., 116, Фасмер, III, с. 516/; флаг, 1699 /Фасмер, IV, с. 197/ / < голл. vlag/; флот 1696 г. /Фасмер, IV, с. 199/ / < голл. vloot — наверно не непосред. из фр. flotte, как утверждает Фасмер/; флюгер, впервые флюгель, 1720 г. /Фасмер, IV, с. 200/ / < нидерл. vleugel, сред.-ниж.-нем. vluger, vlugel/; фрегат, 1694 г. /Фасмер, IV, с. 207/ / < голл. fregat/; фрегата, 1713 г. / < нем. Fregatte/ /обе формы из фр. frégate/; скипер, стар. щипор, шхипор, шхипер / < нидерл. schipper, сред.-ниж.-нем. schippere, ср.-верх.-нем. schifherre — Фасмер, IV, с. 449, Кip., 118/; шторм 1696 г. /Фасмер, IV, с. 479/ / < нид. storm, ср.-ниж.-нем. storm/; штурман, стар. штюрман, 1720 г., стюрман, 1679 г. /Фасмер, IV, с. 481/ /нидерл. stuurman, ср.-ниж.-нем. sturman/; яхта, с середины XVII в. /Фасмер, IV, с. 570/ / < голл. jacht, или нов.-верх.-нем. Jacht/²⁸.

3. Военные термины: армия, 1705 г., армея, 1704 г. /Фасмер, I, с. 87/ / < фр. armée, или нем. Armee < лат. armare/; гусар, 1614 г. /Кip., 101/ / < польск. husarz < венг. huszár/; ветеран / < фр. vétéran < лат. veteranus — Фасмер, I, с. 306/;

барьер, раньше барьера, 1713 г. /Кип., 146/ /барьер < фр. *barrière*; барьера < польск. *barjera*, или нем. *Barriere* < фр. *barrière* — Фасмер, I, с. 129/; гвардия, 1667 г. /Кип., 101/ /через польск. *gwardja*, или прямо из итал. *guardia* — Фасмер, I, с. 398/; корпус, 1705 г. /Фасмер, II, с. 337/ / < польск. *korpus*, или нем. *Korpus* < лат. *corpus*/; болверк / < нем. *Bollwerk* — Фасмер, I, с. 187/; дивизия / < польск. *dywizja* < лат. *divisio* — Фасмер, I, с. 513/; цейхгаус, 1709 г. /Кип., 139/ / < нем. *Zeughaus*/; атаковать, 1703 г. /Фасмер, I, с. 95/ / < польск. *atakować* < фр. *attaquer*/; штурмовать, штурм, 1614 г. /Кип., 104/ / < польск. *szturmować*, *szturm* < нов.-внрх.-нем., ср.-верх.-нем. *sturm*, *stürmen* — Фасмер, IV, с. 481/.

4. Бытовая лексика: анчоус, раньше анчовес, 1724 г. /Фасмер, I, с. 80/ / < голл. *ansjovis*, или нем. *Anschowis* < фр. *anchois*/; апельсин / < голл. *appelsien* < фр. *pomme de Sine* — Фасмер, I, с. 80/; бисквит, 1734 г. /Кип., 146/ / < фр. *biscuit*, или нем. *Bisquit* < фр. происх. < лат. *biscoctum* — Фасмер, I, с. 168/; биштекс / < англ. *beefsteak* — Фасмер, I, с. 169/; картофель, 1731 г. /Кип., 133/ / < нем. *Kartoffel*/; кафе, 1864 г. /Кип., 152/ / < нем. *Kaffee*, или фр. *café* — Фасмер, II, с. 212/; мадера, XVIII в. /Шанский, 252/ / < фр./; шоколад, народн. чиколад, стар. чоколад /шоколад < нем. *Schokolade*; чи-колад, чоколад < итал. *cioccolata*. Обе группы из исп. *chocolate* < яз. нахуатль /Мексика/ *chocolatl* — Фасмер, IV, с. 465/; галстук, галстух, впервые галздуки, 1705 г. /Фасмер, I, с. 389/; / < голл. *halsdoek*, а потом нем. *Halstuch*/; жилет, 1784 г. /Кип., 151/ / < фр. *gilet*/; зонтик, 1720 г. / < голл. *zondek* — Фасмер, II, с. 104/; сюртук, народн. также сертук, 1716 г. /Кип., 163/ / < фр. *surtout*/; манжета, впервые маншета, 1706 г. /Фасмер, III, с. 568/, 1720 г. /Кип., 154/ / < фр. *manchette*/; неглиже, уже у Б.И. Куракина /1676--1727 гг./ /Фасмер, III, с. 57/, 1754 г. /Кип., 156/ / < фр. *négligé*/; халат, 1847 г. /Кип., 71/ / < тур. *Xilat* < араб. *hil'at* — Фасмер, IV, с. 217/; аметист / < нем. *Amethyst*, или фр. *améthyste* < лат. *amethystus* < греч. *amethystos* — Фасмер, I, с. 76/; брильянт,

бриллиант, 1716 г. /Kip., 147/ / < нем. Brillant фр. brillant — Фасмер, I, с. 214/; кристалл / < нем. Kristall, или фр. cristal лат. crystallus < греч. — Фасмер, II, с. 378/; бронз/а/, 1907 г. /Kip., 147/ / < ? нем. Bronze < фр. bronze — Фасмер, I, с. 217/; атлас, ранее отлась /XV в., < татар. — Kip., 65/ или /1589 г. < польск. atlas, или нем. Atlas < араб. atlas — Фасмер, I, с. 96/; поташ, 1661 г. /Kip., 106/ / < голл. potasch, или нем. Pottasche — Фасмер, III, с. 343—44/; фасад, 1737 г. /Kip., 165/ / < фр. façade < итал. fasciata — Фасмер, I, с. 187/; портал, XVII в., стар. портел/портал < ? нем. Portal < фр. portal; портел < нем. Portel, или фр. portail — Фасмер, III, с. 334/; балюстрада, 1780 г. /Kip., 145/ / < нем. Balustrade, или фр. balustrade, < итал. balaustro — Фасмер, I, с. 119/; барельеф, 1734 г. /Kip., 146/ / < фр. bas-relief/; арка / < итал. arco < лат. arcus/; архитектор, 1627 г. /Фасмер, I, с. 91/, 1713--19 гг. /Fogarasi, с. 67/ / < нем или голл. позднелат. architector < греч. architektōn /²⁹.

Что касается морфологии русского языка, можно выделить разные слова польского происхождения, как например, приводимые ниже имена существительные с окончанием -я/ -ия, и в польском -ja/: ассигнация, 1704 г. /Фасмер, I, с. 94/ / < польск. asygnacja < лат. assignatio; конференция, впервые конференция, 1679 г. /Fogarasi, с. 125/ / < польск. konferencja < ср.-лат. conferencia/; нация, 1724 г. /Fogarasi, с. 118/ / < польск. nacja < лат. natio/; полиция, 1713--19 гг. /Fogarasi, с. 122/ / < польск. policja, или нем. Polizei < лат. politia < греч./; провинция, провинция, 1696 г. /Fogarasi, с. 122/ / < польск. provincja < лат. provincia /; церемония, 1687 г. /Fogarasi, с. 143/ / < польск. ceremonia < лат. caerimonia/.

Л.А. Булаховский утверждает, что польское посредство также доказывается глаголами, оканчивающимися на морфему -овать /в польском -ować/, как например: адресовать, апробировать, претендовать, трактовать, штрафовать. Однако, В.А. Богородицкий считает, что -овать указывает на влияние французского языка³⁰.

Подобным образом такие суффиксы, как -ист, -ер, -ант, -ик, -изм и -аж относятся к французскому /или немецкому/ языку³¹. Они встречаются в следующих примерах: артист, 1775 г. /Кип., 145/, 1784 г. /Fogarasi, с. 39/ / < фр. artiste, или нем. Artist < лат. ars, artis — Фасмер, I, с. 89/; журналист, 1847 г. /Fogarasi, с. 40/ / < фр. journaliste /; романист, 1847 г. /Fogarasi, с. 41/ / < фр. romaniste/; экономист /фр. économiste/; актер, 1710 г. /Кип., 145/, 1777—78 /Fogarasi, с. 67/ / < фр. acteur/; монтер / < фр. monteur/; педант, XVII в. / < нем. Pedant, или фр. pédant < итал. pedante < лат. paedagogus < греч. — Фасмер, III, с. 225/; секундант, 1720 г. /Фасмер, III, с. 594/ / < нем. Sekundant < лат. sekundans < secundare/; критик, с середины XVIII в. /Фасмер, II, с. 378/ / < нем. Kritikus < лат. criticus/; скептик / < фр. sceptique/; галлицизм, 1792—93 гг. /Кип., 148/ 1803 г. /Fogarasi, с. 89/ / < фр. gallicisme/; лаконизм, XVIII в. /Шанский, 232/, 1847 г. /Fogarasi, с. 89/ / < фр. laconisme < греч. lakonismos/; магнетизм, 1806 г. /Fogarasi, с. 93/ / < фр. magnétisme/; механизм, 1806 г. /Fogarasi, с. 93/ / < фр. mécanisme/; авантаж, 1703 г. /Кип., 144/ / < фр. avantage/; багаж, 1705 г. /Кип., 145/ / < фр. bagage, или нем. Bagage/; пассаж, 1709 г. /Fogarasi, с. 80—81/ / < фр. passage. Отметим, что многие из этих терминов раньше были заимствованы из классических языков, например, из латинского и греческого³². Что касается многих слов с суффиксом -ир, они входили в русский язык из французского через немецкое посредство. Богородицкий цитирует следующие примеры: аккомпанировать, аккомпанировать, 1803 г. /Fogarasi, с. 174/ / < нем. accompanieren < фр. accompagner/; конкурировать / < нем. konkurieren фр. concourir/³³.

Вступление на престол Елизаветы Петровны в 1741 году отметило начало периода народного движения против вредного влияния иностранных слов на русский язык. После пристрастия петровской эпохи к использованию иноязычных заимствований новые лексикографы, например, В.К. Тредьяковский, прибегали к церковносла-

вянскому языку для расширения русской абстрактной и научной лексики³⁴.

М.В. Ломоносов правильно признавал огромные выгоды церковнославянского языка как способа освобождения русского литературного языка от варваризмов. Несмотря на то, что значительное количество церковнославянизмов было первоначально заимствовано из древнегреческого языка, М.В. Ломоносов ясно видел, что эти выражения способствовали обогащению русского литературного языка, что они служили в качестве арсенала стилистических ресурсов для выражения величия и торжественности³⁵.

Царствование Екатерины Второй /1761--96/ ускоряло полный расцвет воздействия французской культуры на Россию³⁶. Влияние французской литературы и языка было сосредоточено при царском дворе в Петербурге; Екатерина Вторая гордо считала себя так называемым "просвещенным деспотом" и распространителем мыслей французских философов, с которыми она переписывалась. В результате этого распространилась галломания в России. Русское дворянство скорее увлекалось французской, а не русской речью.

С устарелым церковнославянским языком Ломоносова порвал один из самых выдающихся русских сентиментальных писателей XVIII века, Н.М. Карамзин /1766—1826/³⁷. Он же способствовал лексическому обогащению русского литературного языка и поощрял заимствование многих бытовых и практических терминов из европейских языков, особенно из французского. Л.А. Булаховский объясняет деятельность Н. Карамзина следующим образом: "Он заимствовал, оставляя без перевода, иностранные слова главным образом терминологического характера, и общеевропейские 'культурные' слова"³⁸.

Карамзин пытался очищать русский литературный язык от устарелых форм и придумывал новые слова, которые он считал необходимыми: "Он... интенсивно работал, если не находил соответствующих русских, в направлении создания новых калек с иностранных образцов"³⁹. В своих известных произведениях "Письма

русского путешественника", "Бедная Лиза" и др., Карамзин вводил в русский язык галлицизмы типа: влияние /"influence"/; трогательный /"touchant"/; убить время /"tuer le temps"/; делать впечатление /"faire une impression"/; взять терпение /"prendre patience"/; делать ваше знакомство /"faire votre connaissance"/; дает себе воздух /"se donner des airs"/⁴⁰.

В напрасной попытке ограничить поток иностранных слов в русский язык несколько писателей конца XVIII века, например, пурист, адмирал А.С. Шишков, придумывали русские эквиваленты для иностранных заимствований, издавна укоренившихся в русском литературном языке. Помимо этого, возникли разные семантические и стилистические варианты этих слов. Мы протицируем следующие примеры: словесность /"литература", XVI в., < нем. Literatur < лат. litterator — Фасмер, II, с. 502/; природа /"натура", XVI в., < ? польск. natura < лат. natura — Фасмер, III, с. 49/; предмет /XVIII в. < польск. przedmiot — Фасмер, III, с. 357/ /"объект" < лат. obiectum/; глазник /"окулист" < нем. Okulist, или фр. oculiste < лат. oculus — Фасмер, III, с. 131/; правописание /"орфография" < греч. — Фасмер, III, с. 154/⁴¹.

Далее, Шишков требовал полного отказа от европеизмов в русской речи и возвращения к использованию церковнославянизмов⁴². Он даже утверждал: "Древний славенский язык, повелитель многих народов, есть корень и начало российского языка, который сам собою всегда изобилен был и богат"⁴³. Известно, что Шишков питал глубокое отвращение к галлицизмам и изобретал "церковнославянские неологизмы" взамен целого ряда иностранных заимствований, как например: слушалище -- "аудитория"; краснослив -- "оратор" / < польск. orator, или нем. Orator < лат. orator — Фасмер, III, с. 148/; шарокат — "бильярд", "бильярд", 1720 г. /Кир., 146; Фасмер, I, с. 165/ / < итал. bigliardo, или фр. billiard — Шанский, 46/; мокроступы — "калоша", "галоша", XVIII в. / < фр. galosche, нем. Galosche, или итал. galoscia < лат. calopedia < греч. kalopodion -- Фасмер, II, с. 170; Шанский, 101/⁴⁴.

Однако от ошибочной теории и деятельности Шихкова отказа-

лись многие критики, например, П.И. Макаров, который в ходе анализа книги Шишкова "Рассуждение о старом и новом слоге русского языка" писал следующее: "Удержать язык в одном состоянии невозможно: такого чуда не бывало от начала света... Язык следует всегда за науками, за художествами, просвещением, за нравами, за обычаями... Все языки составились один из другого обменом взаимным... Некоторые чужестранные слова совершенно необходимы; лишь только не должно пестрить языка без крайней осторожности... Мы теперь совсем не тот народ, который составляли наши предки"⁴⁵.

В самом начале XIX века можно отметить довольно осторожное отношение к заимствованию слов западноевропейского происхождения. Например, А.Д. Галахов замечает, что Н.М. Карамзин очищает новые издания своих сочинений от ненужных иностранных слов⁴⁶. К тому же даже Шишков выражал полное удовлетворение языком самых последних томов его "Истории государства Российского" /1816—26/.

Языковые тенденции XVIII века достигли высшей степени развития в произведениях А.С. Пушкина, который объединил изящный, изысканный язык карамзинской традиции с чисторусской, народной речью бытовой жизни⁴⁷. К этому периоду долговременный процесс синтеза иностранных слов в русском языке в XVII—XVIII веках был завершенным.

Примечания

1. Gerta Hüttl-Worth. Die Bereicherung des russischen Wortschatzes im XVIII Jahrhundert. Vienna, 1956; Gerta Hüttl-Worth. Foreign Words in Russian. — A Historical Sketch: 1550—1800. University of California Press, Berkeley, Los Angeles, 1963.
2. Valentin Kiparsky. Russische Historische Grammatik, Band III: Entwicklung des Wortschatzes. Heidelberg, 1975, с. 59—61 /в дальнейшем: Kip./.
3. Там же, с. 61—71, 86—92, 94—98.
Н.К. Дмитриев. О тюркских элементах русского словаря.—В кн.: Лексикографический сб. Вып. III, М., 1958; Ф.П. Сороколетов. Иноязычные заимствования в русской военной лексике XV—XVII вв. — В его кн.: История военной лексики в русском языке: XI—XVII вв. М., 1970, с. 249—288 /с. 252/.
4. См. V. Kiparsky. Ук. соч., с. 74—86; В.А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики. М.—Л., 1953, с. 325—330.
5. См. В.А. Богородицкий. Ук. соч., с. 351—354.
6. См. В.М. Тамань. Полонизмы в языке русских памятников XVI в. — Уч. зап. ЛГУ. № 267, Филолог. науки, вып. 52, 1960, с. 98—124; В.М. Тамань. О польском влиянии на литературный язык Московской Руси. — В кн.: ЛГУ. Межвузовская научно-теоретическая конференция. — Начальный этап формирования национального языка /На материале русского языка/. Тезисы докладов. Л., 1960, с. 41—43; В.В. Ильенко. Западные, юго-западные и южные слова в великорусских летописях XV—XVI вв. Днепропетровск, 1958.
7. Л.А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку. 5-ое изд., Киев, 1958, с. 33.
8. См. V. Kiparsky. Ук. соч., с. 98—105; Ф.П. Сороколетов. Ук. соч., с. 257—258.
9. Н.А. Смирнов. Западное влияние на русский язык в петровскую эпоху. Сб. ОРЯС. т. 88, вып. 2, 1910, с. 5 и 11. В.А. Богородицкий наблюдает, что в русский язык через польское посредство начинают входить не только немецкие слова, но также и латинские. Ук. соч., с. 331.
10. См. Miklós Fogarási. Beiträge zur Geschichte der internationalen Bildungssuffixe des Russischen. Budapest, 1965 /в дальнейшем: Fog./; М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. 4 тома. М., 1964 /в дальнейшем: Фас./; А.Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. 2 тома. М., 1959; Н.М. Шанский и др. Краткий этимологичес-

- кий словарь русского языка. Изд. 2-ое, М., 1971; Словарь современного русского литературного языка. 12 томов. М., 1950—61; Словарь иностранных слов. Изд. 8-ое, М., 1981; M. Vasmer. Die griechischen Lehnwörter im Serbokroatischen. В кн.: Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosoph. — histor. Klasse. Berlin, 1944; М. Фасмер. Греко-славянские этюды. — В сб. ОРЯС. СПб., 1909. т. 86.
11. См. А.И. Соболевский. Русские заимствованные слова. Курс Литорграф. Изд. СПб., /6.г./; W. Christiani. Über des Eindringen von Fremdwörtern in die russische Schriftsprache des 17 und 18 Jhats. Diss. Berlin, 1906.
  12. И.И. Огиенко. К вопросу об иностранных словах, вошедших в русский язык при Петре Великом. — РФВ. т. XVI. № 3—4, 1911. И.И. Огиенко. Иноземные элементы в русском языке. Киев, 1915.
  13. S.C. Gardiner. German Loanwords in Russian: 1550—1690. Oxford, 1965, p. 313.
  14. Там же, с. 47.
  15. пушка, 1398 г. / < чеш. puška, польск. puszka < др.-верх.-нем. buhsa < народнолат. buxis < греч. — Фасмер, III, с. 415—416, Преображенский, II, с. 157—158/; мастер, 1229 г. / < ? польск. majster, нем. Meister < греч. — Fogarasi, с. 62, Kip., 106, Фас., II, 578—579, Преображ., 513/. См. S.C. Gardiner. Ук. соч., с. 31.
  16. бархат, 1486 г. / < польск. barchan < сред.-верх.-нем. barchāt < ср. лат. barracanus арабск. barrakan — , 106, Шанский, 37, Преображ., I, 18/; шида, 1389 г. / /древ.-верх.-нем. sīda, или сред.-верх.-нем. sīde, "шелк" ср. — лат. sēta/sērica/ — Фас.; IV, 437, Преобр., II, 983; имбирь, или инбирь, 1472 г. / < ? польск. imbir < нов.-верх.-нем. Imber, Ingwer < сред.-верх.-нем. ingewer, ingeber — Фас., II, 129 Преобр., I, 271/; шафран, 1488 г. / < ?польск. szafran < сред.-верх.-нем. saffrān, сред.-ниж.-нем. safferān итал. zafferano < арабск. za'farān — Фас., IV, 414, Преобр., II, 91/; яхонт, 1486 г. / < польск. сред.-верх.-нем. jachant < ср. лат. hyacinthus < греч. — Kip., 107, Фас., IV, 570, Преобр., II, 142/. См. V. Kiparsky. Ук. соч., с. 104, 106—107; В.А. Богородицкий. Ук. соч., с. 341—346; S.C. Gardiner. Ук. соч., с. 32.
  17. S.C. Gardiner. Ук. соч., с. 36.
  18. Там же, с. 40.
  19. Там же, с. 45.
  20. В.А. Богородицкий также указывает на польское посредство в проникновении немецких слов в русский язык /Ук. соч., с. 341/.

21. См. Ф.П. Сороколетов. Ук. соч.
22. Г.О. Винокур. Русский язык. Париж, 1947.
23. Н.А. Смирнов. Ук. соч.
24. Суть дела выражается в следующем замечании П.А. Вяземского: "У нас жалуются и жалуются по справедливости на водворение иностранных слов в русском языке. Но что же делать, когда наш ум, заимствовавший некоторые понятия и оттенки у чужих языков, не находит дома нужных слов для их выражения?" /Старая записная книжка. VIII, с. 38/.
25. См. А.Н. Пыпин. История русской литературы. Изд. 3-ье, т. III, 1907, с. 303—309.
26. Л.А. Булаховский. Ук. соч., с. 37.
27. По мнению В.А. Богородицкого, многие из таких слов заимствованы из немецкого и голландского языков /Ук. соч., с. 343—346/.
28. В.А. Богородицкий доказывает, что почти все приведенные морские термины по происхождению являются голландскими /Ук. соч., с. 348/.
29. См. Л.А. Булаховский. Ук. соч., с. 37—38; V. Kiparsky. Ук. соч. Кипарский констатирует, что большинство этих слов бытовой лексики французского происхождения возникло не в XVII веке, а только в XVIII. В соответствии с этим В.А. Богородицкий пишет следующее: "Что касается эпохи заимствования слов французского происхождения, то она начинается довольно поздно — лишь с XVIII века, то есть со времени Петра I" /Ук. соч., с. 334/.
30. См. Л.А. Булаховский. Ук. соч., с. 38; В.А. Богородицкий. Ук. соч., с. 337; и М. Fogarasi. Ук. соч., с. 156—57.
31. См. В.А. Богородицкий. Ук. соч., с. 333—341.
32. См. Словарь иностранных слов.
33. См. В.А. Богородицкий. Ук. соч., с. 334.
34. Самым великим лексическим новатором XVIII века считается В.К. Тредьяковский -- см. Gerta Hüttl-Worth. Thoughts on the Turning-Point in the History of Literary Russian: The Eighteenth Century. International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. Vol. 13, 1970, pp. 125--35 /p. 131/. Суффиксы типа -ство и -ость — церковнославянского происхождения. Подробное исследование морфологии русского литературного языка XVIII века раскрывает постепенное вытеснение параллельных образований на -ство формами на -ость. /См. И.М. Мальцева. Из наблюдений над словообразованием в языке XVIII в. /На материале однокоренных параллелей -ость, -ство и -ие. В кн. Процессы формирования лексики

- русского литературного языка /от Кантемира до Карамзина/. М.—Л., 1966, с. 259—284; И.М. Мальцева и др. Лексические новообразования в русском языке XVIII в. Л., 1975, с. 10—145; В.В. Веселитский. Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII—начала XIX в. М., 1972, с. 80—94; Дублетность иноязычных слов является характерной чертой русского литературного языка XVIII в. /См. И.А. Василевская. К вопросу о формальной дублетности иноязычной лексики в заимствующем языке /На материале русского языка XVIII в./ В кн. Процессы формирования лексики. Ук. соч., с. 285—310.
35. См. А.И. Ефимов. Значение Ломоносова в истории русского литературного языка. — В его кн. История русского литературного языка. М., 1954, с. 168—191.
  36. См. Е.Г. Ковалевская. Иноязычная лексика в произведениях Н.М. Карамзина. — В кн. Материалы и исследования по лексике русского языка XVIII века. М.—Л., 1965, с. 226—250 /с. 227/.
  37. См. А.И. Ефимов. История русского литературного языка. Ук. соч., с. 224—225.
  38. Л.А. Булаховский. Исторический комментарий..., с. 72; см. Я.К. Грот. Филологические разыскания, I. Далее, Е.Г. Ковалевская утверждает: "Почти все слова, введенные Карамзиным в литературный язык, и большинство слов, которые употреблял Карамзин в своих произведениях, сохранились в современном литературном языке" /Ук. соч., с. 250/.
  39. Л.А. Булаховский. Ук. соч., с. 72.
  40. См. А.С. Шишков. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. СПб., 1803; см. также Л.А. Булаховский. Русский литературный язык первой половины XIX века. Киев, 1957, с. 213—220. В конце концов Карамзин пытался прекратить галломанию — см. его статью, О любви к отечеству и народной гордости. — Вестник Европы. 1802, ч. I, с. 68.
  41. См. Л.А. Булаховский. Русский литературный язык... с. 239.
  42. Там же, с. 229—239.
  43. А.С. Шишков. Ук. соч.
  44. Для обсуждения функции неологизмов церковнославянского происхождения см. Герта Гюттль-Уорт. Роль церковнославянского языка в развитии русского литературного языка. American Contributions to the VI International Congress of Slavists, Prague, 7—13 August 1968, vol. I: Linguistic Contributions; В.В. Замкова. Славянизм как стилистическая категория в русском литературном языке XVIII в. Л., 1975. См. Л.А. Булаховский. Русский литературный язык... с. 239, 320—323.

45. Московский Меркурий. 1803 /декабрь/. См. Историко-литературная хрестоматия нового периода русской словесности А. Галахова. т. II, изд. 15, 1908, с. 127—131. См. также Геннади: "П.И. Макаров". — Современник. 1867, № 6, с. 80. Полезность иностранных слов выясняется в следующем замечании Н.И. Греча: "Если должно выразить понятие, для которого нет слова в языке, лучше всего взять слово иностранное, особенно из языка мертвого, классического: Оно поступает на службу нашего языка тем же чином, облекшись только в наши буквы" /Н.И. Греч. Чтения о русском языке. 1840, ч. I, с. 26/.
46. А.Д. Галахов. История русской словесности, древней и новой. Изд. 3-ье, т. II, 1894, с. 113—114. Интересно заметить, что в первоначальный печатный текст "Бедной Лизы" Карамзин вносит разные исправления, чтобы сократить число иноязычных заимствований /См. В.В. Виноградов. О стиле Карамзина и его развитии /исправления текста повестей/. — В кн. Процессы формирования лексики русского... с. 237—258.
47. О влиянии языка писателей XVIII века на стиль А.С. Пушкина см.: Nigel H. Foxcroft. The Principle of Conflict in Certain Historical and Lyrical Works of A.S. Pushkin: A Thematic and Linguistic Investigation. Unpublished M.Phil. thesis. University of Sheffield, England, 1985, 248 pp.

MONUMENTA LINGUAE RUSSICAE VETUSTAE

Redigunt V.V. Kolesov et E.H. Toth

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА

Редакторы В.В. Колесов и И.Х. Тот

МИНЕЯ ДУБРОВСКОГО

Введение

И.Х. Тот

Минея Дубровского /в дальнейшем: МД/, хранящаяся в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина /г. Ленинград/ под сигнатурой Фн. I 36, представляет собой фрагменты служебных миней на 8-е, 11-е, 19-е и 24-е месяцы июня. Эти служебные минеи посвящаются памяти Феодора Страдальца, апостолов Варфоломея и Варнавы и Иуды и Иоанна Предтечи.

Рукопись состоит из 15 листов, списанных в один столбец по 22 строки, хотя имеются и листы с 21-ой строкой. Размер листов /по нашим наблюдениям/ 19,5 x 14,4 см. Рукопись находится в переплете, выполненном в начале XIX в. Однако листы сплетены неправильно: не соблюдается порядок следования листов.

МД была списана уставом. Уставное письмо МД имеет узкий характер. Текст был наведен чернилами. Инициалы и заголовки выполнены киноварью или киноварью и чернилами. В рукописи встречаются большие и малые инициалы. Пергамен пожелтевший, тонкий, местами довольно низкого качества. На тонком пергамене иногда просвечиваются контуры букв оборотного листа /напр., на л. 136/. Нет текста в верхней части л. 136 /8 строк/. На отдельных листах встречаются дырки или не хватает пергамена. Пергамен на л. 4 был закреплен нитью. Чернила выцвели, поэтому на отдельных листах текст был восстановлен, возобновлен более поздним писцом.

Рукопись принадлежала собранию известного русского коллекционера "манускриптов" П.П. Дубровского, как об этом свидетельствует VIII-ой бумажный вставной лист, на котором отмечено следующее: Минеи. Месяц июнь. Ex Museo Petr. Dubrowsky. К сожалению, мы не располагаем никакими сведениями от-

носителем того, каким образом и откуда попала интересующая нас рукопись в коллекцию П.П. Дубровского. В собрании П.П. Дубровского насчитывалось около 50 славянских рукописей, из которых, по всей вероятности, mineя, теперь носящая его имя, была самой древней. В свое время коллекция П.П. Дубровского славилась тем, что в ней хранились маленькая библиотека Анны Ярославны /жены Генриха I/ и древние рукописи времен княгини Ольги и князя Владимира. После того, как рукописи собрания П.П. Дубровского попали в Публичную Библиотеку, была составлена опись его коллекции. В этой описи — по устному сообщению Т.П. Вороной — под № 844 указываются Службы, т.е. служебные книги. Возможно, что среди этих рукописей была и интересующая нас рукопись, т.е. — МД. Это предположение подтверждается тем обстоятельством, что рукопись под № 844 была единственной пергаменной.

Не вызывает больших споров датировка МД, так как большинство ученых считает ее древним памятником русской письменности. И.И. Срезневский /И.И. Срезневский, 1863, с. 39/ относит рукопись к периоду до XII в. По мнению Н. Волкова /Н. Волков, 1897, с. 65, под № 228/ МД является памятником XI в. К XI в. относят ее Е.Э. Гранстрем /Е.Э. Гранстрем, 1953, с. 17/, В.М. Марков и М.Ф. Мурьянов /М.Ф. Мурьянов, 1981, с. 122/. Даже В.М. Марков заявляет, что "есть основания считать ее одним из древнейших письменных источников" /В.М. Марков, 1962, с. 422/.

Ранняя датировка МД подтверждается также палеографическими и языковыми данными. Хотя полного палеографического описания МД нет, в пользу ее древности можно привести некоторые особенности почерка писца МД. С палеографической точки зрения МД характеризуется следующими чертами:

1. Почерк ровный, старательный, который свидетельствует об опытном писце. Однако, почерк писца несимметричный и непропорциональный: МД была написана узким письмом. В этом отношении особо выделяется лист 7а. Однако, характер пись-

ма /узкое письмо/ само по себе не препятствует датировке этой рукописи XI веком.

2. Некоторые буквы имеют старинное, архаическое начертание. Из букв, имеющих датирующие признаки, прежде всего следует указать на буквы ѣ и ѡ. Буква ѣ в рукописи, по нашим наблюдениям, не встречается.

Буква ѣ пишется вся в строке. Мачта пишется с легким наклоном вправо, однако она не возвышается над строкой, а помещается в ней. Верхняя часть мачты утолщена сильным нажимом пера. Круглая петля пересекает мачту ниже ее середины. Коромысло, как правило, не касается петли. Оно становится немного выше петли, но ниже воображаемой верхней линии строки. Утолщение мачты сверху придает ей своеобразный "излом", что является характерным для начертания этой буквы в МД.

Середина буквы ѡ — как в древнейших рукописях — поднимается до верхнего уровня строки. Боковые линии буквы овальные. Верхние части боковых линий утолщены нажимом пера. К середине пера они сближены. Имеется и такой вариант, у которого левый овал буквы больше правого и нижняя часть ее немного опускается под строку. Правый овал всегда стоит на нижней строке, и его верхняя часть пишется дальше от середины, нежели верхняя часть левого овала.

Из особенностей начертания других букв выделим следующие:

Буква ж пишется в три приема. Верхняя и нижняя часть буквы почти одинаковые. Однако, имеется и вариант, у которого верхняя часть буквы меньше нижней. Боковые линии буквы расставлены, они пересекаются немного выше середины стержня. Жирный стержень буквы прямой, иногда он имеет легкий наклон вправо.

Поперечная линия буквы н касается правого стержня ниже ее середины, но немного выше нижнего уровня строки. Буква н — образная.

Перекладина буквы и, как и соединительная линия букв ге, го, га, пишется посередине.

Буква з пишется с длинной верхней горизонтальной чертой и овальным, длинным хвостом.

Рассмотренные особенности начертания букв, имеющих датирующие признаки, позволяют датировать МД концом XI в. или началом XII в.

Характерной чертой графической системы МД является частое, но небезысключительное, употребление букв шт /архаическая черта/ и постоянное употребление буквы ы, что кажется странным для памятников XI в., хотя эта буква встречается и в памятниках XI в.: в Реймском евангелии /однако ы пишется там с маленькой соединительной черточкой/.

Разыскивая библиографические данные о МД, мы убедились в том, что этому интересному и древнему памятнику не было уделено должного внимания со стороны специалистов-исследователей. МД не имеет ни полного описания, ни полного издания. Хотя эта рукопись была известна исследователям, с лингвистической точки зрения она осталась неизученной вплоть до последнего времени. Начало лингвистическому изучению МД положила работа В.М. Маркова /М.Ф. Мурьянов, 1981, с. 122/, вышедшая в серии публикаций "Вопросы теории и методики изучения русского языка". Вып. 2. /Чебоксары, 1962, с. 435--456/. Известный советский византинолог Е.Э. Гранстрем установила греческие параллели к службам Варфоломею и Варнаве и опубликовала их вместе с соответствующей частью МД. Е.Э. Гранстрем указала на то, что "для десяти слов греческий текст найти не удалось" /Е.Э. Гранстрем, 1971, с. 26/. Издание Е.Э. Гранстрем было критически оценено М.Ф. Мурьяновым, который нашел в Новгородских служебных минеях 1095--97 годов соответствующие греческие строфы, не обнаруженные Е.Э. Гранстрем. М.Ф. Мурьянов сделал ряд критических наблюдений по поводу издания, выполненного Е.Э. Гранстрем и дополнил лексическую характеристику МД новыми данными, указывая на некоторые

ошибки писца интересующей нас рукописи. Некоторые аспекты фонетики и фонологии речи писца МД были изучены В.М. Марковым /В.М. Марков, 1964, с. 26, 48, 92, 200--201/ и В.В. Колесовым /В.В. Колесов, 1980, с. 84/, однако, несмотря на свою важность, они не могут заменять полного, исчерпывающего описания рукописи.

Факсимильное издание рукописи, несомненно, облегчает изучение этого весьма интересного памятника древнерусской письменности.

В конце нашего введения к изданию МД мы считаем уместным дать краткие указания относительно содержания текста по отдельным службам и перечислить известную нам литературу об этой рукописи.

1. Содержание МД.

8-е июня служба Феодору Стратилату лл. 2-66

11-е июня служба апостолам Варфоломею и Варнаве лл. 66--126 и 1--16.

24-е июня служба Иоанну Предтече лл. 15--156.

/Содержание чтений дается по описанию Сводного Каталога славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. М., 1984/.

2. Важнейшая литература об МД.

Издания: Е.Э. Гранстрем. Греческие параллели к гимнографическим текстам "Минеи Дубровского". Русский язык. Источники для его изучения. Под ред. С.И. Коткова. М., 1971, с. 24--43.

М.Ф. Мурьянов. О Минеи Дубровского. Вопросы языкознания, 1981, кн.1, с. 121--141.

Литература: И.И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка X--XIV вв. СПб., 1863, с. 39.

И.И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка X--XIV вв. Изд. 2-е. СПб., 1882, столбец 77.

Н.В. Волков. Статистические сведения о сохранившихся древнерусских книгах XI--XIV веков и их указатель. СПб., 1897, с. 65, под № 228.

Е.И. Голубинский. История русской церкви, т. I. Вторая половина тома. М., 1904, с. 528.

Н.К. Никольский. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений /X--XI вв./. Корректированное издание. СПб., 1906, с. 493.

Е.Э. Гранстрем. Описание русских и славянских пергаменных рукописей. Под ред. Д.С. Лихачева. Л., 1953, с. 17.

Е.Э. Гранстрем. О подготовке сводного печатного каталога славянских рукописей. Славянская филология, т. II, IV Международного съезда славистов. М., 1958, с. 416.

В.М. Марков. Язык Минее из собрания Дубровского. Вопросы теории и методики изучения русского языка. Вып. 2. Чебоксары, 1962, с. 435--457.

В.М. Марков. К истории редуцированных гласных в русском языке. Казань, 1964, с. 26, 48, 92, 200--201.

Н.Б. Шеламанова. Предварительный список славяно-русских рукописей XI--XIV вв., хранящихся в СССР. Археографический Ежегодник за 1965 г. М., 1966, с. 189, под № 25.

И.Х. Тот. О сочетании редуцированных между согласными в древнерусских рукописях XI в. Вопросы языкознания, 1976, 4, с. 101--102.

В.В. Колесов. Историческая фонетика русского языка. М., 1980, с. 84.

М.Ф. Мурьянов. О Минее Дубровского. Вопросы языкознания, 1981, кн. 1, с. 121--141.

Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР /XI--XIII вв./. Под ред. С.О. Шмидта. М., 1984, с. 64--65. Под № 22.

Имре Тот. Русская редакция древнеболгарского языка в конце XI--начале XII вв. София, 1985, с. 43--46, 93--98, 159--163, 194--196, 234--242, 271--272, 292--295, 318 и пр.